
МУРЗИЛКА
N-1
Журнал ЦК ВЛКСМ
для школьников младших классов
ЯНВАРЬ
1948
ШКОЛА
1
В. И. ЛЕНИНА

З. АЛЕКСАНДРОВА

Рис. А. ЕРМОЛАЕВА

У Кремля опять снежок белеет,
Будто много лет тому назад.
Тихо по ступеням мавзолея
Матери ведут своих ребят.

Едут люди далеко из дому,
Отправляются в неблизкий путь,
Поклониться Ленину родному,
На лицо любимое взглянуть.

Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина
XX 63/11
П-49-1166

Л. ПАНТЕЛЕЕВ

Рис. И. ХАРКЕВИЧ

ДВА ПАМЯТНИКА

В Ленинграде, на площади у Финляндского вокзала, уже много лет стоит памятник Ленину. Поставили его на том самом месте, где тридцать лет назад В. И. Ленин, только что вернувшийся на родину, выступил перед множеством встречавших его рабочих.

Наверно, вы знаете, что Ленин выступал не с трибуны, а с башни военного бронированного автомобиля. Памятник так и сделан: башня броневика, а на ней, в расстёгнутом пальто, слегка подавшись вперёд и вытянув правую руку, стоит вождь и учитель народов.

Этот памятник, как все памятники на свете, сделан из бронзы и камня.

А есть в Ленинграде другой памятник Ленину.

Недалеко от вокзала, на противоположном берегу Невы, стоит Мраморный дворец. В этом очень большом и очень красивом дворце расположен Музей Ленина. Чтобы попасть в музей, нужно пройти через дворцовый сад. Вы входите в сад, идёте к подъезду и вдруг останавливаетесь. Вы видите: стоит на гранитном постаменте настоящий бронированный автомобиль, на четырёх колёсах, на резиновых шинах. Из башни его торчит пулемётный ствол, а на башне по серому защитному полю красной, побуревшей от времени краской выведено от руки название броневика: «Враг капитала».

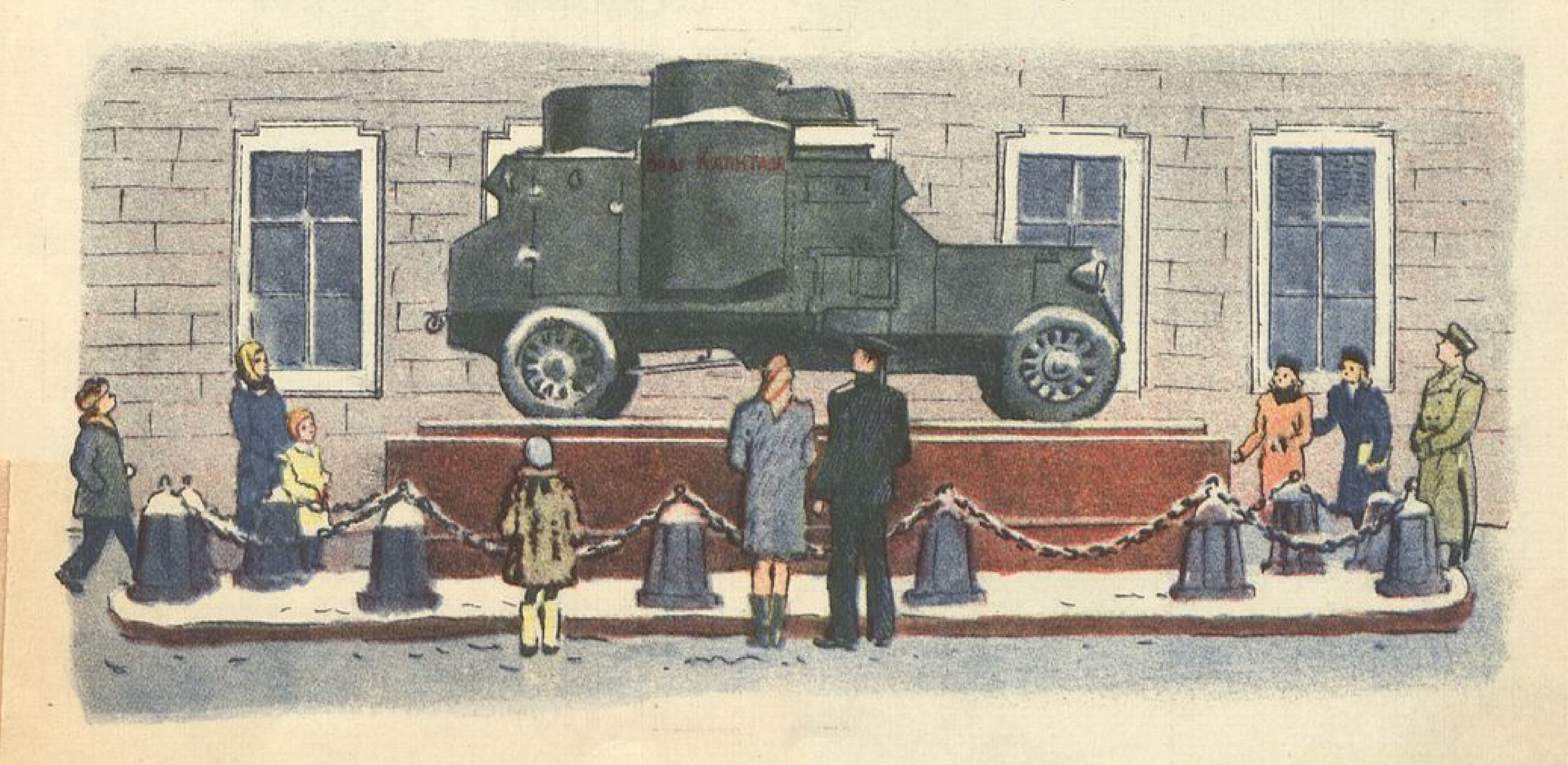
Это тот самый броневик, на котором в апреле 1917 года на площади у Финляндского вокзала выступал Владимир Ильич Ленин.

Несколько лет тому назад автомобиль этот разыскали и привезли сюда ленинградские рабочие. Автомобиль старенький, угловатый, не похожий на современные военные машины. И вообще, если подумать, ничего особенного в нём нет. А люди останавливаются перед ним, снимают шапки и подолгу стоят и рассматривают каждый винтик и каждую царапину на этой неуклюжей, старой машине.

Ещё бы! Ведь это тот самый броневик... Это та самая башня, на которой стоял Ленин. Именно с этой башни он за шесть месяцев до Великого Октября приветствовал своих земляков, петроградских рабочих, словами, которые прогремели на весь мир:

— Да здравствует социалистическая революция!..

И люди, которые живут в Сталинскую эпоху, в эпоху социализма, смотрят на эту старую, уже тронутую ржавчиной машину, как на живое существо, — с нежностью и почтением, с гордостью и любовью.

Ёлка

ИОСИФ ДИК | **Рис. А. ЕРМОЛАЕВА**

Гриша хотел повернуться на другой бок, чтобы поудобнее досмотреть интересный сон про автомобили, но вдруг, случайно взглянув в угол комнаты, замер от удивления. Он потёр глаза и поглядел на сестрёнку. Аня уже сидела на постели и тоже молча тёрла кулачком глаза.

— Анютка, ты меня видишь? — шопотом, точно боясь кого-то вспугнуть, спросил Гриша.

— Кажется, вижу. А ты меня?

— Пошевельни рукой, тогда скажу.

Аня подняла руку и пошевелила пальцами.

— Ёлка! — закричал Гриша. — От неё лесом пахнет!

Ребята выскочили из кроватей и босиком подбежали к ёлке.

Размашистая, освещённая утренними лучами солнца, которые пробивались сквозь заиндевевшее окно, она казалась такой волшебной, что Аня побоялась до неё дотронуться.

И Гриша сначала оробел при виде стольких разноцветных флажков, блестящих коробочек, ярко-румяных яблок и золотых нитей, опутавших, как паутина, зелёные ветви. Но потом он оторвал одну иголочку и, уколов ею палец, радостно хихикнул:

— Колется! Давай, Анютка, и ты уколи!

Аня подставила пальчик. Гриша, уколов его, спросил:

— Правда, хорошо?

— Ага. И совсем не больно.

И, словно уже познакомившись с ёлкой, Аня обрадовалась:

— Смотри-ка, и свечки есть!

— А как же! Ёлка без свечей не бывает, — сказал Гриша, отбросив иголочку. — Помнишь, я тебе рассказывал, когда мы в метро прятались от бомб. Хочешь, мы сейчас зажжём?

— Не надо: дом загорится.

— Не загорится. Он каменный, — сказал Гриша и побежал на кухню за спичками.

Так вот она какая, настоящая ёлка! Аня осматривала её со всех сторон. На макушке, чуть не касаясь потолка, сверкала большая золотая звезда. Мохнатая маленькая обезьянка с выпученными глазами, вися на ниточке, раскинула в стороны руки, словно готовилась спрыгнуть на пол.

Давным-давно, когда ещё на Москву налетали немецкие самолёты, мама брала Аню и Гришу за руки и с ними бежала в

метро. По движущейся лестнице они спускались глубоко под землю и ночевали в освещённых вагонах.

Гриша ничего не боялся. В своём вагоне он любил подскакивать на мягких пружинных сиденьях или уходил в другой поезд, стоявший через платформу, играть с чужими мальчишками в лото.

Аня, крепко обняв маму, почему-то всё время плакала. Её успокаивали, рассказывали сказки. Гриша, подходя, говорил:

— Эх ты, бояка! Самолётов забоялась! А на улице их уже десять штук сбили — мальчишки говорят. И ни одной фугаски не упало.

Но Аня продолжала плакать.

Однажды ночью, когда все уже кругом спали, Гриша, потеснее прижавшись к сестрёнке, прошептал на ухо:

— Если не будешь плакать, я тебе расскажу про ёлку. Ты её, наверно, не запомнила: маленькая была. А я всё помню. Вот красота!

Он долго рассказывал о новогоднем празднике до войны. И хотя он очень подробно описывал, как в этот праздник все дети получали подарки, как на ёлке сверкали разноцветные лампочки и свечи, а в двенадцать часов ночи по площадям ходил красноносый дед Мороз и поздравлял всех прохожих с Новым годом, — Аня не верила. Ей казалось, что Гриша повторяет одну из маминых сказок, чтоб она уснула.

Потом она бывала на ёлках и в клубе на работе у мамы и в детском саду, но ни одна из этих ёлок не походила на ту, о которой рассказывал Гриша.

Ёлки устраивались днём. Свечи на них не горели. А если и зажигали лампочки, то всего несколько штук и не надолго. Кульки с подарками были лёгкими.

Хотелось потанцовать, попрыгать, получше рассмотреть игрушки на ёлке, но через час мама уже торопила домой:

— Пойдёмте, детишки. Мне надо отдохнуть, — говорила она. — А мы ещё устроим настоящую ёлку! Устроим!..

Когда Гриша вбежал обратно в комнату, спичечный коробок пришлось быстро спрятать под подушку: в комнате, держа Аню на руках, стоял отец, уже одетый в гимнастёрку и причесанный.

Папа совсем недавно приехал с войны, даже не успел купить себе костюм — всё в гимнастёрке ходит. А гимнастёрочка-то — что надо. Тут тебе и дырочки от орденов, такие маленькие, на рукаве — заплатка: осколком разорвало, а на плечах — по петельке и пуговице, чтобы погоны нацеплять. А погоны (папа уже их не носит) пусть такие серые и помятые, но зато самые что ни на есть фронтовые. Такие, небось, не у всякого папы имеются.

— Папа, а это ты ёлку делал? — спрашивала Аня.

— Нет, не я. Это, наверно, дед Мороз ночью её принёс.

— Ты, ты делал! — Гриша захлопал в ладоши. — Я сам видел среди ночи, только думал, что это сон.

Отец засмеялся и тут же подхватил Гришу на руки. С высоты ёлка показалась ещё наряднее. Грише захотелось тронуть серебряный шар, обвязанный розовой лентой.

— Сейчас нельзя! — сказал отец, отходя на два шага. — Успеете ещё бомбочку получить.

— А она не взорвётся? — живо спросила Аня.

— Опять трусит, — захохотал Гриша. —

Она не взрывается, она, наверно, с чем-нибудь таким... — И он сладко чмокнул губами. Потом спросил: — Пап, а когда ёлку праздновать будем?

— Вечером, — ответил отец. — И надо Васю в гости пригласить. Сходишь за ним.

Грише было приятно, что не к отцу и маме, а уже к нему впервые придёт настоящий гость.

После завтрака, не допив чаю, ребята побежали к Васе.

— Васятка-перчатка, выходи в коридор, что скажем! — крикнул Гриша в соседнюю комнату.

Вместо Васи в дверях показалась его мама — высокая, полная, в красном переднике. Руки у неё были выпачканы мукой.

— Зайдите попозже, — строго сказала она, — он сейчас занят: в углу стоит.

Гриша очень огорчился, что торжественная минута приглашения была испорчена. Недовольный, он минут пять походил по коридору и снова заглянул к Васе.

Вид у приятеля был весёлый.

— Вышел из угла?—спросил Гриша участливо. — За что поставили?

Прежде чем ответить, Вася уцепился за дверные ручки и, поджав ноги, прокатился на дверях.

— Тесто ел. Оно сладкое.

Гриша ему позавидовал, но, чтобы скрыть свою зависть, разом выпалил:

— Сегодня у нас вечером ёлка. Мы тебя приглашаем!

— Если хочешь — приходи, а не хочешь — не приходи, — вежливо вставила Аня, и глаза её засияли.

Вечером Вася пришёл приодетым и надушенным и всем давал себя понюхать.

— Конфетами обмазался, — определила Аня, понюхав его голову.

— Ну вот, стал бы я конфетами мазаться! — обиделся Вася.

— Хватит спорить! — вмешался Гриша. — Давайте лучше в медведей играть. — И, встав на четвереньки, зарычал.

Аня взвизгнула от удовольствия. Вася тоже встал на четвереньки, и они по Гришиному знаку поползли под ёлку.

Развалившись под колючими ветками, Вася прорычал:

— А подарки раздавать будут? Я их всю войну ждал...

— Будут! — пискнула, как зайчик, Аня.

— Это когда дед Мороз придёт, — пояснил Гриша.

Правда, он и сам хорошо не знал, придёт ли к ним дед Мороз, но почему-то в этом был уверен.

За столом тоненько пел никелированный самовар. На блюде, как будто загоревший под солнцем, лежал коричневый пирог с выпеченными из теста словами: «С Новым годом, ребятки!» Розовый хворост, посыпанный сахаром, был навален в широкую вазу. Из красивой коробки, словно раки, готовые разбежаться по скатерти, выглядывали полосатые конфеты.

Мама разлила всем чай и стала помогать Ане. Большой кусок пирога у девочки всё время падал из рук на платье.

— Ну, кто победил? — вдруг торжествующе спросил Вася.

— Это не считается! — запыхтел Гриша, упираясь руками в стол.

Они продолжали бороться под столом. Каждый старался захватить чужую ногу.

— Не считается? — сердито переспросил Вася. — Ты обманщик! Я с тобой больше не буду дружить. Я победил, а ты...

Он не договорил, застыв с открытым ртом. В комнату в вывернутом наизнанку меховом пальто, с красным носом и с длинной седой бородой входил дед Мороз. В руках он держал клеёнчатую сумку.

— Ой, мама! — не на шутку испугалась Аня и выронила чашку.

Дед Мороз как-то по-знакомому улыбнулся, подмигнул весело и полез в сумку. В руках у него появилась светловолосая кукла в цветном платьице.

У Ани и раньше были куклы — маленькие, тряпичные, из которых Гриша любил высыпать опилки, но такой большой, как эта, с румяными щеками и почти живыми, закрывающимися глазами, не было никогда.

— Мне! — потянулась за куклой Аня.

— А вот это для Васи!..

Получив заводной автомобиль, Вася немедленно завёл его ключиком и пустил по скатерти. Автомобиль переехал кусок пирога и опрокинул мамин стакан.

— А это... — дед Мороз зашарил по дну сумки. — Неужели в магазине... — уже с беспокойством проговорил он. — Вот беда!.. Купил и оставил.

Гриша надулся, покраснел и часто замигал глазами.

— На, бери мой автомобиль! — вдруг сказал Вася. — Нечего обижаться! Мой папа тоже иногда на работе очки забывает.

— Да, бывает... — огорчённо махнул рукой дед Мороз. — Поторопился. Но ты, Гриша, не сердись, я сейчас что-нибудь поинтереснее принесу. Правда, я хотел приберечь, но... — И он вышел из комнаты.

Через минуту Гриша держал в руках полевые помятые погоны с двумя красными полосками и звёздочкой между ними.

Гриша положил их себе на плечи и счастливо оглядел всех...

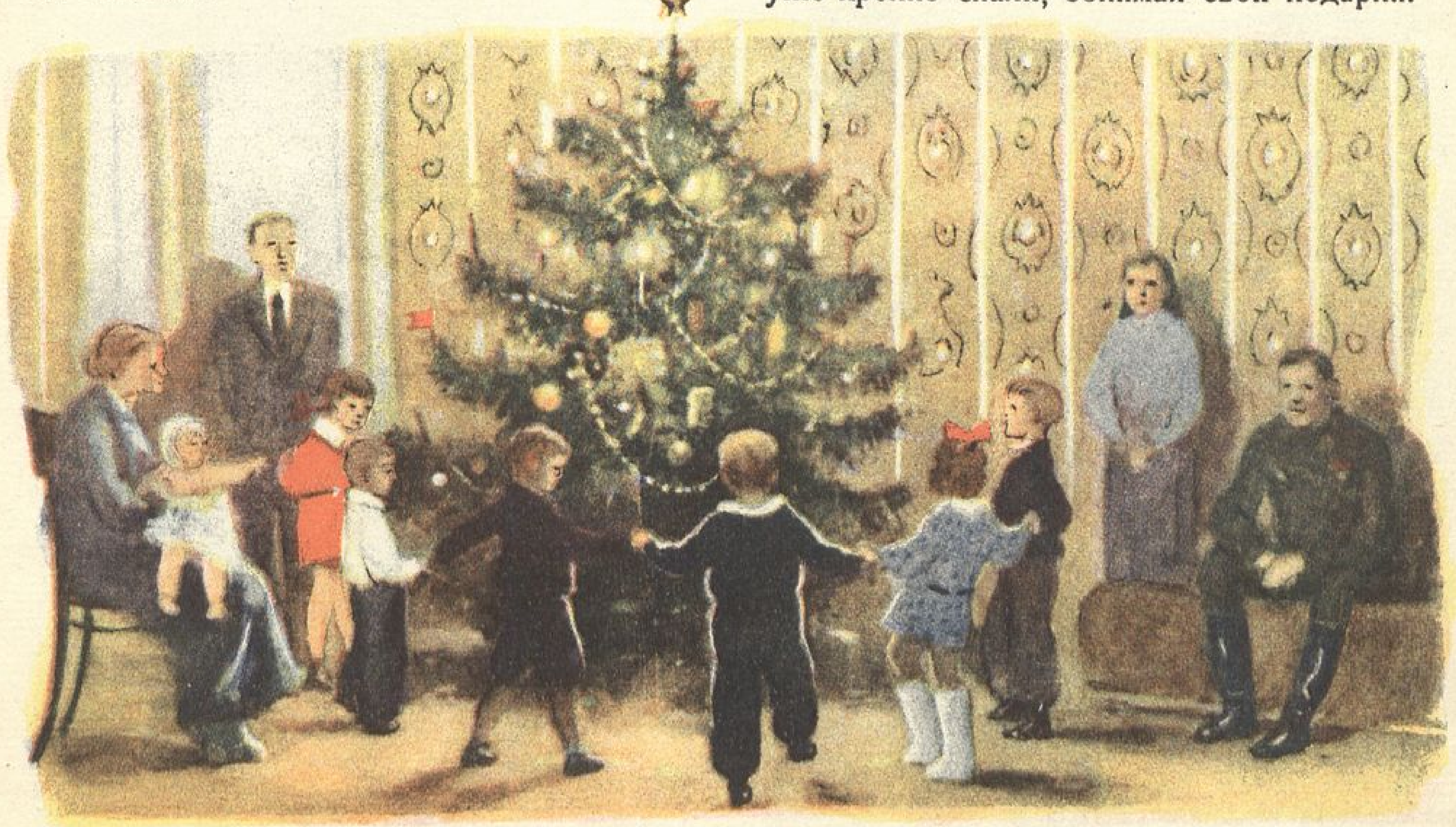
Танцовали и пели вокруг ёлки недолго. Решили погасить в комнате электричество и зажечь свечи.

Отец рассказывал сказки. Ёлка казалась ещё волшебнее и красивее, чем утром. Верилось, что под ней скачут зайцы, за ветвями сидит старый филин в очках, а где-то неподалёку от ёлки щёлкает зубами серый волк, поджидая Красную Шапочку.

— Как хорошо! — шепнула Аня Грише.

— На будущий год лучше будет, — сказал Гриша. — Эх ты, а тогда в метро мне не верила...

От выпитого чая и теплоты отцовских рук ребята вскоре перестали понимать, где сон, а где явь. И через десять минут они уже крепко спали, обнимая свои подарки.

ВЛАДИМИР ЛИФШИЦ

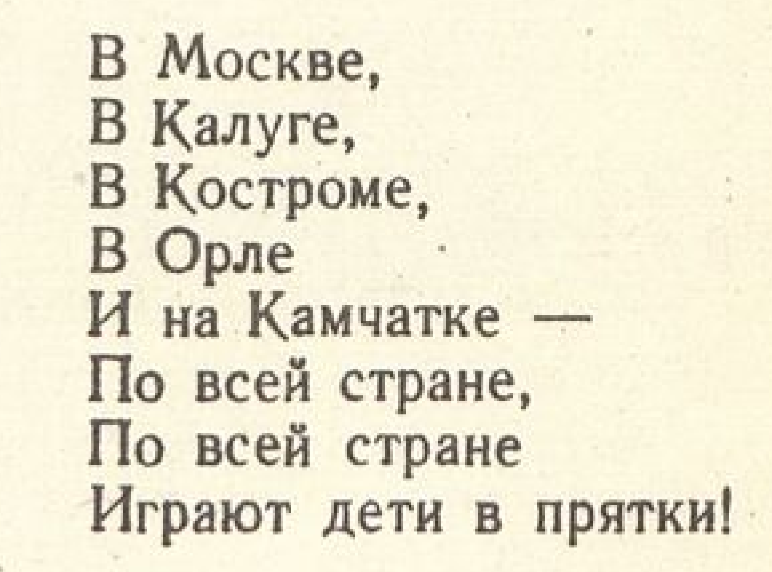
Рис. В. ГОРЯЕВА

Прятки

И ведь водил, —
Была пора, —
Не нарушая правил,
И дворник с нашего двора —
Сердитый дядя Павел,
И молодой столяр Егор,
И продавец нарзана,
И детский доктор,
И шофёр,
И даже тётя Ксана!
И даже дед,
Что стар и сед, —
Нам бабка рассказала, —
Засунул голову в буфет,
Когда она искала!
С тех пор прошло полсотни лет,
Рассказ мой не обиден, —
Засунул голову в буфет
И думал, что не виден!..

По всей стране,
По всей стране
Играют дети в прятки:
В Москве,
В Калуге,
В Костроме,
В Орле
И на Камчатке.

По всей стране,
По всей стране
Иди, моя считалка!
В Москве,
В Калуге,
В Костроме —
Считайтесь, мне не жалко!

«Пара, пара
Пароходов,
Пара по морю плывёт.
Пара, пара
Пароходов,
Нам — на этот, вам — на тот.
Пара, пара
Паровозов,
Нам — садиться, вам — сходить.
Пара, пара
Паровозов,
Одному из нас водить!»

В Москве,
В Калуге,
В Костроме,
В Орле
И на Камчатке —
По всей стране,
По всей стране
Играют дети в прятки!

Я. ТАЙЦ

Рис. В. ГОРЯЕВА

ДЛЯ ПИСЕМ И ГАЗЕТ

(Рассказ)

1

Каждое утро Костя и Валя просыпались от громкого стука. Это в дверь барабанил почтальон. Он подавал папе газету и говорил:

— Хоть бы ящик повесили, гражданин! А то стучи, колоти! Некультурно...

— Да-да, — отвечал папа, — конечно, обязательно... Сегодня же, обязательно!..

Но прошло лето, наступила зима, а папа всё забывал купить ящик.

Но вот один раз он вернулся домой с большим свёртком. Он снял шубу, потёр озябшие руки, развернул свёрток, и тут Костя и Валя увидели замечательный ящик. На железной дверке написано печатными буквами:

«ДЛЯ ПИСЕМ И ГАЗЕТ»

— Вот... Наконец-то я его купил! — радовался папа.

Он взял молоток, прибил ящик к дверям, потом вынул из кармана маленький, вот такой, замочек, щёлкнул маленьким ключиком и сказал:

— Кому доверить ключик? Кто у нас будет «заведующим почтой»?

Костя крикнул:

— Я!

И Валя крикнула:

— Я!

— Тебе не надо, — сказал Костя: — ты писем не получаешь!

Валя обиделась:

— А ты получаешь?

— Получаю! Я «Пионерскую правду» получаю!

— Это не считается! Это газета!

— Нет, считается! Видишь, написано: «Для писем и газет»

— Ладно, не спорьте, — сказал папа. — Костя старше, значит надо доверить ключик ему. Костя, держи!

И папа дал Косте маленький блестящий ключик.

2

Костя каждый день выходил на крыльцо, отпирал маленьким ключиком маленький замочек и доставал из ящика большую «Правду» для папы и «Пионерскую» — для себя.

Валя просила его:

— Дай мне разочек отпереть. Дай мне щёлкнуть ключиком!

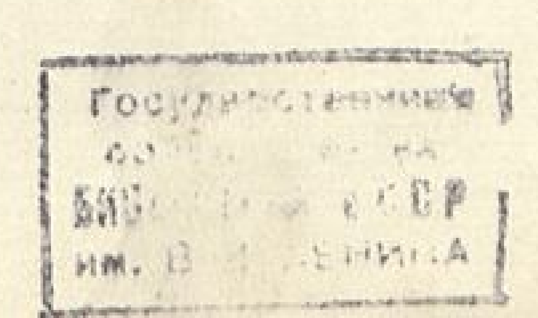
— Не дам! Я заведующий почтой, а не ты!

— Дай хоть «Пионерку» почитать!

— Погоди! Сначала я почитаю!

Костя лёг на диван и стал читать. А Валя вышла поглядеть: а вдруг Костя позабыл запереть ящик! По правде сказать, ей очень хотелось, чтобы Костя хоть разочек забыл запереть его.

Но всё было в порядке. Ящик заперт, замочек висит на месте. Вдруг Валя увиде-

ла: на полу, под ящиком, лежит письмо. Треугольное.

Валя подняла его и побежала в комнату.

— Костя, смотри!..

— Погоди, Валька, дай дочитать!

Костя вслух читал:

— «Благородный поступок. Девочка шла по тонкому льду. Вдруг лёд подломился, и девочка очутилась в воде. Проходивший мимо пионер Витя Морозов кинулся в ледяную воду и спас девочку. Честь и слава отважному пионеру!» Вот здорово! Честь и слава! — Костя вздохнул. — А вот около меня никто никогда не тонул, как нарочно!

Валя сказала:

— Костя, да посмотри же, ты письмо уронил!

— Где? — Костя поверх газеты посмотрел на Валю. — Ладно, брось его!

— Как это «брось»? Ведь это к нам! Вот: «Заречная, 52, квартира 6».

— Эх ты, грамотная! У нас «Б» Заречная, а там «М», значит «Малая».

Валя снова посмотрела на треугольное письмо. Верно: «М. Заречная, А. В. Степановой».

— Костя, а кто это: А. В. Степанова?

— А я откуда знаю!

— Костя, но ведь эта Степанова, наверное, сидит, ждёт... А письмо у нас...

— Чудная ты, Валя! При чём тут мы, раз почтальон ошибся? Вот он придёт, отдашь ему — и всё.

И Костя снова уткнулся в газету.

3

Валя смотрела сквозь замёрзшее окошко на улицу. Ветер подметал скользкую мостовую. Люди шли осторожно, чтобы не упасть.

Почтальона всё нет! А там, на Малой Заречной, может быть, сидят, с нетерпением ждут письмо, вскакивают при каждом стуке, бегут открывать... А письмо — вот оно, здесь, на подоконнике.

Валя прождала весь день. Вечером она надела пальто, повесила на шею шнурок с муфтой, повязалась платком и вышла на улицу. Треугольное письмо она спрятала в муфту. Так рукам теплей, а если письмо чуточку изомнётся — не беда!

На углу покачивался фонарь. Валя увидела синюю дощечку:

«МАЛАЯ ЗАРЕЧНАЯ»

Валя смотрела на номера домов. Смотреть было неудобно, потому что снежинки садились на ресницы, на губы. Валя облизывала их.

Вот номер второй, вот номер четвёртый... До пятьдесят второго, ох, ещё далеко!

Какой-то дяденька в тулупе с поднятым воротником спросил:

— Кого ищешь, дочка?

— Дяденька, мне дом пятьдесят два. Не знаете?

— Ступай прямо, вон там, за аптекой. Смотри не упади.

— Нет!

Валя шла долго. За аптекой потянулся длинный забор. Было скользко. Наконец Валя добралась до ворот дома номер 52. Она толкнула тяжёлую калитку и пошла по дорожке, протоптанной в глубоком снегу. Вдруг откуда-то вынырнула чёрная лохматая собака и давай лаять на Валю. Валя опрометью бросилась на улицу. Она очень боялась собак. Собака всё лаяла. А Валя стояла у калитки и ждала: может, кто-нибудь выйдет на лай.

И верно: в глубине двора скрипнула дверь, мелькнула полоска света, на крыльцо вышел маленький мальчик в большой ушанке.

— Кто там? — крикнул он.

Валя чуточку приоткрыла калитку:

— Эта собака кусается?

— Кусается! — ответил мальчик.

Валя сразу — хлоп обратно калитку и крикнула:

— А где тут живёт Степанова А. В.?

— Мы Степановы. А в чём дело?

— Вы? Ой, вот хорошо! Тут вам письмо... Да только собака эта...

— Письмо! — Мальчик напрямик по снегу бросился к Вале. — Где письмо, девочка, где?

— Да вот. — Валя вынула из муфты треугольное письмо. — Только у нас Большая Заречная, а тут Малая, а остальное всё сходится. Вот.

Она отдала письмо и зашагала домой. Теперь ветер дул в спину. Итти было легче. Валя шла и думала: «Вот страшная собака! Сразу видно, что кусается».

4

Потом наступила весна. Снег растаял. На улице было тепло. Костя однажды отпер ящик, достал почту и побежал к папе:

— Папа, смотри, какое смешное письмо! Без фамилии, без ничего. Только улица.

— Ну-ка!

Папа взял письмо:

— «Здесь. Большая Заречная, дом 52, квартира 6». Адрес наш! Обратный адрес: «Малая Заречная, дом 52, квартира 6». Интересно: кому ж это?

Он вскрыл конверт, вынул письмо и начал читать:

«Дорогая, незнакомая девочка! Ты меня не знаешь. Ты зимой приносила сюда моё письмо. Если б оно затерялось, я бы до сих пор не знал, где моя семья. А теперь я недавно приехал, и мой Володька рассказал мне о тебе. Большое тебе спасибо! Уверен, что ты вырастешь настоящим советским человеком. Гвардии старший лейтенант М. Степанов».

— Кому же это письмо? — спросил папа.

Валя покраснела и сказала:

— Это, наверное, папа, мне.

Она взяла письмо и стала его медленно, по буковкам, разбирать. Костя с завистью посмотрел на Валю. А папа сказал:

— Костя, вот что: поскольку Валя у нас получает письма, пускай уж она заведует почтой. Отдай ей ключик!

И Косте пришлось отдать Вале маленький блестящий ключик.

Теперь Валя сама по утрам щёлкает замочком и отпирает железную голубую дверку с надписью:

«ДЛЯ ПИСЕМ И ГАЗЕТ»

Р И

КШИ

Рис. Б. ПРОРОКОВА

ЛЕВ КАССИЛЬ

Так ездят на людях...

(К рисунку Б. Пророкова на стр. 12-13)

Смотри! Смотри! Люди запряжены в коляски, как лошади... Выбиваясь из сил, тяжело дыша, бегут они по жарким улицам. А в колясках катят, развалясь, тяжёлые седоки и погоняют ногой в спину бегуна: «Быстрее! Гони! Вези! А то ничего не получишь за езду!..»

Где это происходит? Кого везут на себе эти худые, уставшие люди? Что за грубые седоки с ружьями-автоматами между колен, с сигарами в зубах катаются на людях, как на лошадях?

Это — в Китае. Люди-лошади — голодные китайцы. А седока—американские солдаты. Вот двое американцев наняли коляски, уселись и велели китайцам везти их наперегонки. Бегут, бегут, мчатся, везут коляски с тяжёлыми пассажирами голодные люди, а довольные американцы хохочут, распевают сквозь зубы:

На людях
мы
кататься привыкши.
Китайцев таких
называем «рикши»...

Рикша—это и есть человек, заменяющий лошадь. Рикшами называют в Китае бедняков, которые за две-три мелких монеты нанимаются везти в своей коляске пассажира через весь город, куда седок ни прикажет. Рикша — безлошадный извозчик. Он сам вместо коня впрягается в коляску.

Так в Китае люди разъезжают на людях...

Особенно любят кататься на рикшах американцы. Им нравится, что они, американцы, разъезжают в колясках по чужой стране, как хозяева, а хозяева страны — китайцы — должны везти вооружённых «гостей» на себе, словно лошади.

И бегут, мчатся по улицам голодные рикши. Но короток век человека-лошади. Недолго пробегает так измученный, задыхающийся рикша. Пройдёт год, другой — упадёт на бегу рикша и уже не поднимется.

И понимает большой китайский народ: не будет ему счастья и свободы до тех пор, пока в его стране иностранные капиталисты вместе с китайскими богачами и американские солдаты будут ездить на китайцах, как на лошадях.

Рабочие, бедняки, крестьяне, рикши записываются в народную армию. Эта армия воюет за свободу китайского народа; она сражается за то, чтобы в Китае ни один человек — ни свой, ни иностранец — не смел бы ездить на другом.

КОНСТАНТИН ПАУСТОВСКИЙ

Рис. Е. РАЧЁВА

ДРЕМУЧИЙ МЕДВЕДЬ

(Сказка)

Сын бабки Анисьи, по прозвищу Петя-большой, погиб на войне, и остался с бабкой жить её внучек, сын Пети-большого — Петя-маленький. Мать Пети-маленького, Даша, умерла, когда ему было два года, и Петя-маленький её совсем позабыл — какая она была.

— Всё тормошила тебя, веселила, — говорила бабка Анисья, — да, видишь ты, застудилась сырой осенью и померла. А ты весь в неё. Только она была говорливая, а ты у меня дичок. Всё хоронишься по углам да думаешь. А думать тебе рано. Успеешь за жизнь надуматься. Жизнь долгая — в ней вон сколько дней! Не сочтёшь.

Когда Петя-маленький подрос, бабка Анисья определила его пасти колхозных телят.

Телята были как на подбор — лопоухие и ласковые. Только один, по имени Мужичок, бил Петю шерстистым лбом в бок и брыкался. Петя гонял телят пастись на Высокую Реку. Старый пастух Семён-чаёвник подарил Пете рожок, и Петя трубил в него над рекой, скликал телят.

А река была такая, что лучше, должно быть, не найдёшь. Берега высокие, крутые, все в колосистых травах, в деревах. И каких только дерёв не было на Высокой Реке! В иных местах даже в полдень было пасмурно от старых ив. Они окунали в воду могучие свои ветви, и ивовый лист — узкий, серебряный, вроде рыбки уклейки — дрожал-блестел в бегучей воде. А выйдешь из-под чёрных ив — и ударит с полян таким светом, что зажмуришь глаза. Рощицы молодых осин толпятся на берегу, и все осиновые листья дружно блестят на солнце.

Ежевика на крутоярах так крепко хватала Петю-маленького за ноги, что он долго возился и сопел от натуги, прежде чем отцепить колючие плети. Но никогда он, осердясь, не хлестал ежевику палкой и не топтал ногами, как все остальные мальчишки.

На Высокой Реке жили бобры. Бабка Анисья и Семён-чаёвник строго наказали Пете-маленькому не подходить к бобровым норам. Потому что бобёр — зверь строгий, самостоятельный, мальчишек деревенских вовсе не боится и может так хватить за

ногу, что на всю жизнь останешься хромой. Но Пете-маленькому была большая охота поглядеть на бобров, и потому он ближе к вечеру, когда бобры вылезали из нор, старался сидеть тихонько, чтобы не напугать сторожкого зверя.

Однажды Петя видел, как бобёр вылез из воды, сел на берегу и начал тереть себе лапами грудь, драть её изо всех сил, сушить. Петя засмеялся, а бобёр оглянулся на него, зашипел и нырнул в воду. А другой раз вдруг с грохотом и плеском обрушилась в реку старая ольха, и тотчас под водой молниями полетели во все стороны испуганные плотицы. Петя подбежал к ольхе и увидел, что она прогрызена бобровыми зубами до сердцевины, а в воде на ветках ольхи сидят эти самые бобры и жуют ольховую кору. Тогда Семён-чаёвник рассказал Пете, что бобёр сперва подтачивает дерево, потом нажимает на него плечом, валит и питается этим деревом месяц или два, глядя по тому, толстое оно или не такое уж и толстое, как хотелось бобру.

В густоте древесных листьев над Высокой Рекой всегда было беспокойно. Там хлопотали разные птицы, а дятел, похожий на сельского почтаря Ивана Афанасьевича — такой же остроносый и с шустрым чёрным глазом, — колотил и колотил со всего размаха клювом по сухому осокорю. Ударит, отдёрнет голову, поглядит, примерится, зажмурит глаза и опять так ударит, что осокорь от макушки до корней загудит. Петя всё удивлялся, — до чего крепкая голова у дятла! Весь день стучит по дереву, и незаметно, чтобы голова у него болела, — не теряет весёлости.

«Может, голова у него и не болит, — думал Петя, — но звон в ней стоит наверняка здоровый. Шутка ли — бить и бить целый день. Как только черепушка выдерживает!»

Пониже птиц над всякими цветами, — и зонтичными, и крестоцветными, и самыми невидными, как, скажем, подорожник, — летали ворсистые полосатые шмели, пчёлы и стрекозы.

Шмели не обращали на Петю-маленького внимания, а стрекозы останавливались в воздухе около Пети и, постреливая крылышками, рассматривали его выпуклыми глазищами, будто подумывали: ударить ли его в лоб со всего налёта, пугнуть и прогнать с берега, или не стоит с таким маленьким связываться?

И в воде тоже было хорошо. Смотришь на неё с берега — и так и подмывает нырнуть и поглядеть, что там, в глубокой глубине, где качаются водоросли. И всё чудится, что ползёт по дну рак, величиной с бабкино корыто, растопырил клешни, а рыбы пятятся от него, помахивают хвостами.

Постепенно и звери и птицы привыкли к Пете-маленькому и, бывало, прислушивались по утрам, — когда же запоёт за кустами пастуший рожок? Сначала они привыкли к Пете,а потом полюбили его за то, что не озоровал: не сбивал палками гнёзд, не связывал стрекоз за лапки ниткой, не швырял в бобров камнями и не травил рыбу едучей известью.

Деревья тихонько шумели навстречу Пете, — помнили, что ни разу он не сгибал, как другие мальчишки, тоненьких осинок до самой земли, чтобы полюбоваться, как они, выпрямившись, долго дрожат от боли и шелестят — жалуются — листьями.

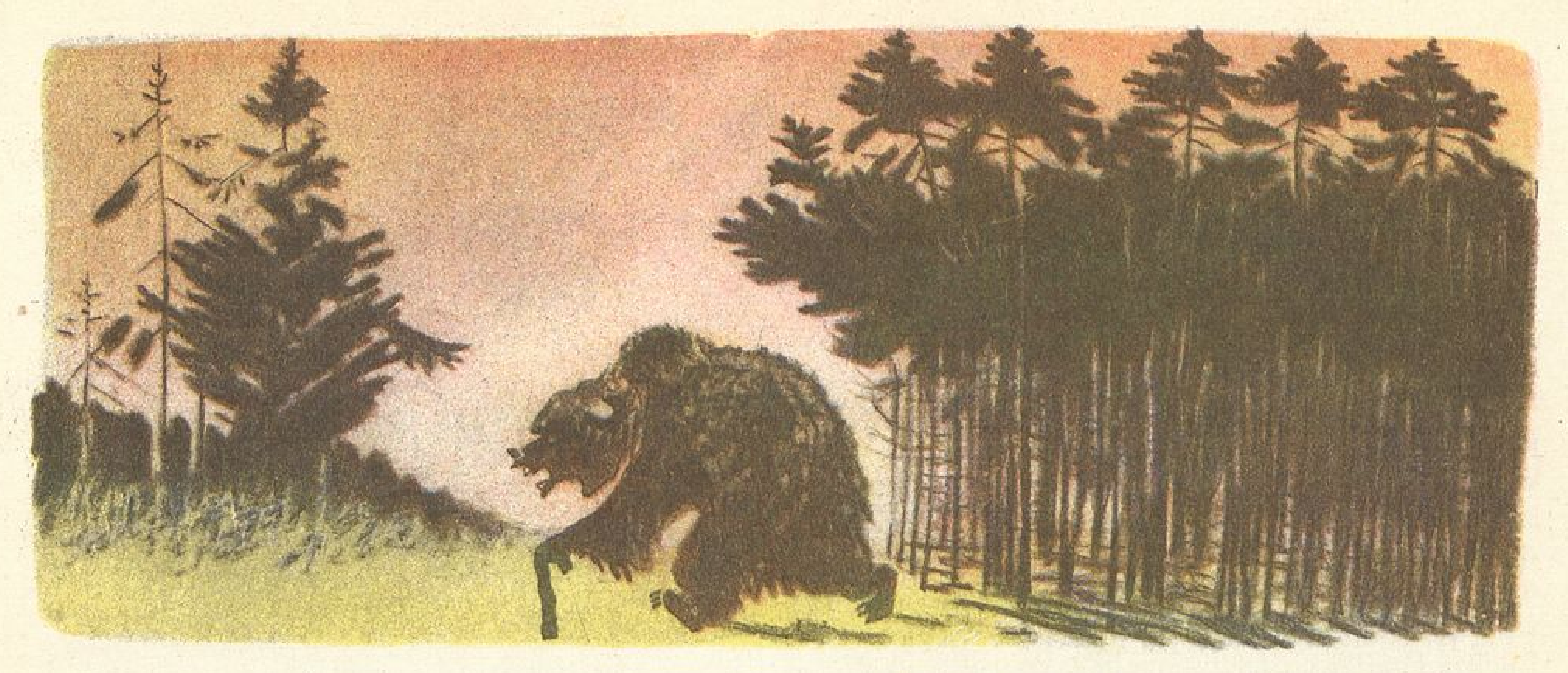
Стоило Пете раздвинуть ветки и выйти на берег, как сразу начинали щёлкать птицы, шмели взлетали и покрикивали: «С дороги! С дороги!», рыбы выскакивали из воды, чтобы похвастаться перед Петей пёстрой чешуёй, дятел так ударял по осокорю, что бобры поджимали хвосты и семенили в норы. Выше всех птиц взлетал жаворонок и пускал такую трель, что синий колокольчик только качал головой.

— Вот и я! — говорил Петя, стаскивал старую шапчонку и вытирал ею мокрые от росы щёки. — Здравствуйте!

— Дра! Дра! — отвечала за всех ворона.

Никак она не могла выучить до конца такое простое человеческое слово, как «здравствуйте». На это нехватало у неё вороньей памяти.

Все звери знали, что живёт за рекой в большом лесу старый медведь и прозвище у того медведя «Дремучий». Его шкура и вправду была похожа на дремучий лес: вся в жёлтых сосновых иглах, в давленной бруснике и смоле. И хоть старый это был медведь и кое-где даже седой, но глаза у него горели, как светляки, — зелёные и злые, будто у молодого.

Звери часто видели, как медведь осторожно пробирался к реке, высовывал из травы морду и принюхивался к телятам, что паслись на другом берегу. Один раз он даже попробовал лапой воду и заворчал. Вода была холодная, — со дна реки били ледяные ключи, — и медведь раздумал переплывать реку. Не хотелось ему мочить шкуру.

Когда приходил медведь, птицы начинали отчаянно хлопать крыльями, деревья — шуметь, рыбы — бить хвостами по воде, шмели—грозно гудеть, и даже лягушки подымали такой крик, что медведь зажимал уши лапами и мотал головой.

А Петя удивлялся и смотрел на небо: не обкладывает ли его тучами, не к дождю ли раскричались звери? Но солнце спокойно плыло по ясному небу, и только два облачка стояли в вышине, столкнувшись друг с другом на просторной небесной дороге.

С каждым днём медведь сердился всё сильнее. Он голодовал, и брюхо у него совсем отвисло — одна кожа и шерсть. Лето выпало жаркое, без дождей. Малина в лесу посохла. Муравейник разроешь, так и там одна только пыль. «Беда-а-а! — рычал медведь и выворачивал от злости молодые сосёнки и берёзки. — Пойду задеру телка. А пастушонок заступится, я его придушу лапой насмерть — и весь разговор!»

От телят вкусно пахло парным молоком, и были они совсем рядом, — только и дела, что переплыть каких-нибудь сто шагов.

«Неужто не переплыву? — сомневался медведь. — Да нет, пожалуй, переплыву. Мой дед, говорят, Волгу переплывал, и то не боялся».

Думал медведь, думал, нюхал воду, скрёб в затылке и, наконец, решился — прыгнул в воду, ахнул и поплыл.

Петя в то время лежал под кустом, а телята — глупые они ещё были — подняли головы, наставили уши и смотрят, — что это за старый пень плывёт по реке? А у медведя одна морда торчит над водой, и такая корявая эта морда, что с непривычки не то что телок, а даже человек может принять её за трухлявый пень.

Первой после телят заметила медведя ворона.

— Карррраул! — крикнула она так отчаянно, что сразу охрипла. — Звери, воррр!

Всполошились все звери, а Петя вскочил, руки у него затряслись, и уронил он свой рожок в траву: по середине реки плыл, загребая когтистыми лапами, старый медведь, отплёвывался и рычал. А телята подошли уже к самому крутояру, вытянули шеи и смотрят.

Закричал Петя, заплакал, схватил длинный свой кнут, размахнулся. Кнут щёлкнул, будто взорвался ружейный патрон... Да не достал кнут до медведя — ударил по воде. Медведь скосил на Петю глаз и зарычал:

— Погоди, сейчас вылезу на бережок — все кости твои пересчитаю. Что выдумал — старика кнутом бить!

Подплыл медведь к берегу, полез на крутояр к телятам, облизывается. Петя оглянулся, крикнул: «Подсобите!», и видит — задрожали все осины и ивы и все птицы поднялись к небу. «Неужто все испугались и никто мне теперь не поможет?» подумал Петя. А людей, как назло, никого рядом нету.

Но не успел он это подумать, как ежевика вцепилась колючими своими плетями в медвежьи лапы, и сколько медведь ни рвался, она его не пускала. Держит, а сама говорит: «Не-ет, брат, шутишь!» Старая ива наклонила самую могучую ветку и начала изо всех сил хлестать ею медведя по худым бокам.

— Это что ж такое? — зарычал медведь. — Бунт? Я с тебя все листья сдеру, негодница!

А ива всё хлещет его и хлещет. Ей на подмогу пришли осины, — сбросили они каждая по сто листьев, и листья закружились вокруг медведя, залепили ему глаза.

Медведь скребёт глаза лапой, а в это время дятел слетел с дерева, сел на медвежью голову, потоптался, примерился и как долбанёт медведя по темени! У медведя позеленело в глазах и жар прошёл по телу, от носа до самого кончика хвоста. Взвыл медведь и испугался насмерть: воет и собственного воя не слышит, — слышит один хрип. Что такое? Никак медведь не догадается, что это шмели залезли ему в ноздри, в каждую по три шмеля, и сидят там, щекочут. Чихнул медведь, шмели вылетели, но тут же налетели пчёлы и начали язвить медведя в нос. А всякие птицы тучей вьются кругом и выщипывают у него шкуру — волосок за волоском. Медведь начал кататься по земле, отбиваться лапами, закричал истошным, не медвежьим, голосом и полез обратно в реку. Ползёт, пятится задом, отбивается от них, а у берега уже ходит стопудовый окунь, поглядывает на медведя, дожидается. Как только медвежий хвост окунулся в воду, окунь хвать, — зацепил его своими сто двадцатью зубами, напружился и потащил медведя в омут.

— Братцы! — заорал медведь, пуская пузыри. — Смилуйтесь! Отпустите! Слово даю... до смерти сюда не приду. И пастуха не обижу.

— Вот хлебнёшь бочку воды — тогда не придёшь, — прохрипел окунь, не разжимая зубов. — Уж я ли тебе поверю, Михалыч, старый обманщик?

Только хотел медведь пообещать окуню кувшин липового мёду, как самый драчливый ёрш на Высокой Реке, по имени Шипояд, разогнался, налетел на медведя и засадил ему в бок самый свой ядовитый и острый шип. Рванулся медведь, хвост оторвался, остался у окуня в зубах, а медведь нырнул, выплыл и пошёл махать сажонками к своему берегу.

«Фу, — думает, — дёшево я отделался! Только хвост потерял. Хвост старый, облезлый. Мне от него теперь никакого толку».

Доплыл до половины реки, радуется, а бобры только этого и ждут. Как только началась заваруха с медведем, они кинулись к высоченной ольхе и тут же начали её грызть. И так за минуту подгрызли, что держалась эта ольха на одном тонком шпеньке.

Подгрызли, стали на задние лапы и ждут. Медведь плывёт, а бобры смотрят, рассчитывают, когда он подплывёт под самый под удар этой высоченной ольхи. У бобров расчёт всегда верный, потому что они единственные звери, что умеют строить разные хитрые вещи: плотины, подводные ходы и шалаши.

Как только подплыл медведь к назначенному месту, старый бобёр крикнул:

— А ну, нажимай!

Бобры дружно нажали на ольху, шпенёк треснул, и ольха загрохотала — обрушилась в реку. Пошли пена, буруны, захлестали волны и водовороты. И так ловко рассчитали бобры, что ольха самой серединой ствола угодила медведю в спину, а ветками прижала его к иловатому дну.

«Ну, теперь крышка!» подумал медведь. Он рванулся под водой изо всех сил, ободрал бока, заму-

тил всю реку, но как-то всё-таки вывернулся и выплыл.

Вылез на свой берег и — где там отряхиваться: некогда! — пустился бежать по песку к своему лесу. А позади крик, улюлюканье. Бобры свищут в два пальца. А ворона так задохлась от хохота, что один только раз и прокричала: «Дуррак!», а больше уже и кричать не могла. Осинки мелко тряслись от смеха. А ёрш Шипояд разогнался, выскочил из воды и лихо плюнул вслед медведю, да не доплюнул, — где там доплюнуть при таком отчаянном беге!

Добежал медведь до леса, едва дышит, а тут, как на грех, девушки из Окулова пришли по грибы. Ходили они в лес всегда с пустыми бидонами от молока и палками, чтобы на случай встречи со зверем пугнуть его шумом.

Выскочил медведь на поляну, девушки увидали его, все враз завизжали и так грохнули палками по бидонам, что медведь упал, ткнулся мордой в сухую траву и затих. Девушки, понятно, убежали, — только пёстрые их юбки метнулись в кустах.

А медведь стонал-стонал, потом съел какой-то гриб, что подвернулся на зуб, отдышался, вытер лапами пот и пополз на брюхе в своё логово. Залёг с горя спать на всю осень и зиму. И зарёкся на всю жизнь не выходить больше из дремучего леса. И уснул, хотя и побаливало у него то место, где был оторванный хвост.

Петя-маленький посмотрел вслед медведю, посмеялся, потом взглянул на теляг. Они мирно жевали траву, и то один, то другой чесал копытцем задней ноги у себя за ухом.

Тогда Петя-маленький стащил шапку и низко поклонился деревьям, шмелям, реке, рыбам, птицам и бобрам.

— Спасибо вам! — сказал Петя, но никто ему не ответил. Тихо было на реке. Сонно висела листва ив, не трепетали осины, и даже не было слышно птичьего щебета. Петя-маленький никому не рассказал, что случилось на Высокой Реке, только бабке Анисье: боялся, что не поверят. А бабка Анисья отложила недовязанную варежку, сдвинула очки в железной оправе на лоб, посмотрела на Петю и сказала:

— Вот уж и вправду говорят люди: не имей ста рублей, а имей сто друзей. Звери за тебя не зря заступились, Петруша. Так, говоришь, окунь ему хвост начисто оторвал? Вот грех-то какой! Вот грех!

Бабка Анисья вся сморщилась, засмеялась и уронила варежку вместе с деревянным вязальным крючком.

КОНЕЦ

АНДРЕЙ ШМАНКЕВИЧ *Рис. Ю. КОРОВИНА*

ФЕДИН ТАЙМЕНЬ

Дедушка ухнул и развалил колуном последнее кедровое полено.

— Ну, всё, внучек! Теперь пускай приходит дед Мороз. Он нам не страшен.

— А кому он, дедушка, страшен? — спросил Федя.

— Страшен глупым да лодырям. Вот не накололи бы мы с тобой дров на всю зиму, он бы и показал нам, где раки зимуют. Как пришёл бы к нам в хату да как гаркнул бы: «Ага! Ленились, дров не заготовили... Вот ступайте теперь в тайгу, вытаскивайте из-под снега по палочке, да и топите печь, а не то мигом всех заморожу!..»

Федя засмеялся. Он знал, что никаких дедов Морозов на свете нет. А если и были б, так не страшно: всё равно дедушка сильнее.

Жил Федя у дедушки с бабушкой на самом краю белого света. Это там, где наша русская земля кончается, а китайская начинается: на берегу реки Амур-батюшки. Жили они в домике на распадке речушки Чёрной, и было около домика ровной земли пятьдесят сажен в ширину да сто сажен в длину, а кругом сопки под самые облака, а по сопкам тайга, как медведь косматая.

А ещё жили у дедушки с бабушкой Федины друзья-приятели: козы да свиньи, куры да гуси и рыжий лохматый кот. Все они подчинялись бабушке. Феде подчинялся один только пёсик Вестовой, белый, пушистый, с чёрным носом и чёрными глазками.

Дедушка был самым старшим на берегу, и ему все подчинялись. Он смотрел за порядком на краю русской земли. Летом, когда по Амуру пароходы плавают, зажигал дедушка огни на створах и бакенах, чтобы не сбились пароходы с дороги; зимой ремонтировал бакены, а в свободное время промышлял охотою.

Других дедушек Федя ещё не видел на своём веку, но знал, что его дедушка лучше всех на свете. От него всегда так хорошо пахло: немножко порохом, немножко керосином, смолой и солёной рыбой, а от бороды пахло табаком-махоркой. Борода у дедушки была золотая, и такая густая да длинная, что если Федя прятался к дедушке под бороду, бабушка ни за что не могла его найти. По праздникам, когда дедушка надевал костюм, он застёгивал свою бороду под жилетку, чтобы она орден не закрывала. По будням ходил дедушка в чёрном бушлате, потому что был он раньше матросом. На бушлате в два ряда красовались медные пуговицы; только можно было подумать, что они золотые, — до такого блеска надраивал их дедушка мелом с нашатырным спиртом.

Зима была уже где-то рядом. С каждым днём становилось всё холоднее и холоднее. На сопках только ели да сосны оставались зелёными, а все другие деревья пожелтели и покраснели. А как подул снизу по Амуру холодный северный ветер, — почернела тайга, осыпались с деревьев яркие листья, и только дубы стояли огненно-жёлтые. Как ни старался ветер, как ни злился — не мог он сорвать с них листву.

Шёл да шёл дождь, и вдруг посыпалась с неба белая крупа. Целый день сыпалась и к вечеру засыпала и двор, и бабушкин огород, все сопки — и наши и китайские. А за крупой повалил хлопьями снег. Как на-

чал итти, так не переставал до тех пор, пока не насыпал сугробы выше Фединого роста, выше конуры Вестового. Весь мир побелел, и только Амур оставался тёмным, всё не поддавался зиме. Вода в Амуре течёт быстро, и нужен крепкий мороз, чтобы спрятать такую реку под лёд на целую зиму.

Смотрел Федя, как наступает зима, и ему становилось немножечко грустно. Жалко было с летом расставаться: зимой в тайге не будет ни грибов, ни ягод. Даже рыбу в Амуре нельзя будет ловить.

— Как это нельзя? — сказал дедушка. — Зимой-то самое время ловить рыбу, да ещё какую, — летом такой не поймаешь. Вот сегодня как раз и начнём мы с тобой зимние снасти готовить.

Федя подумал, что дедушка шутит. Как же это можно зимой рыбу ловить, когда лёд на реке?

— А мы лёд прорубим, — говорит дедушка.

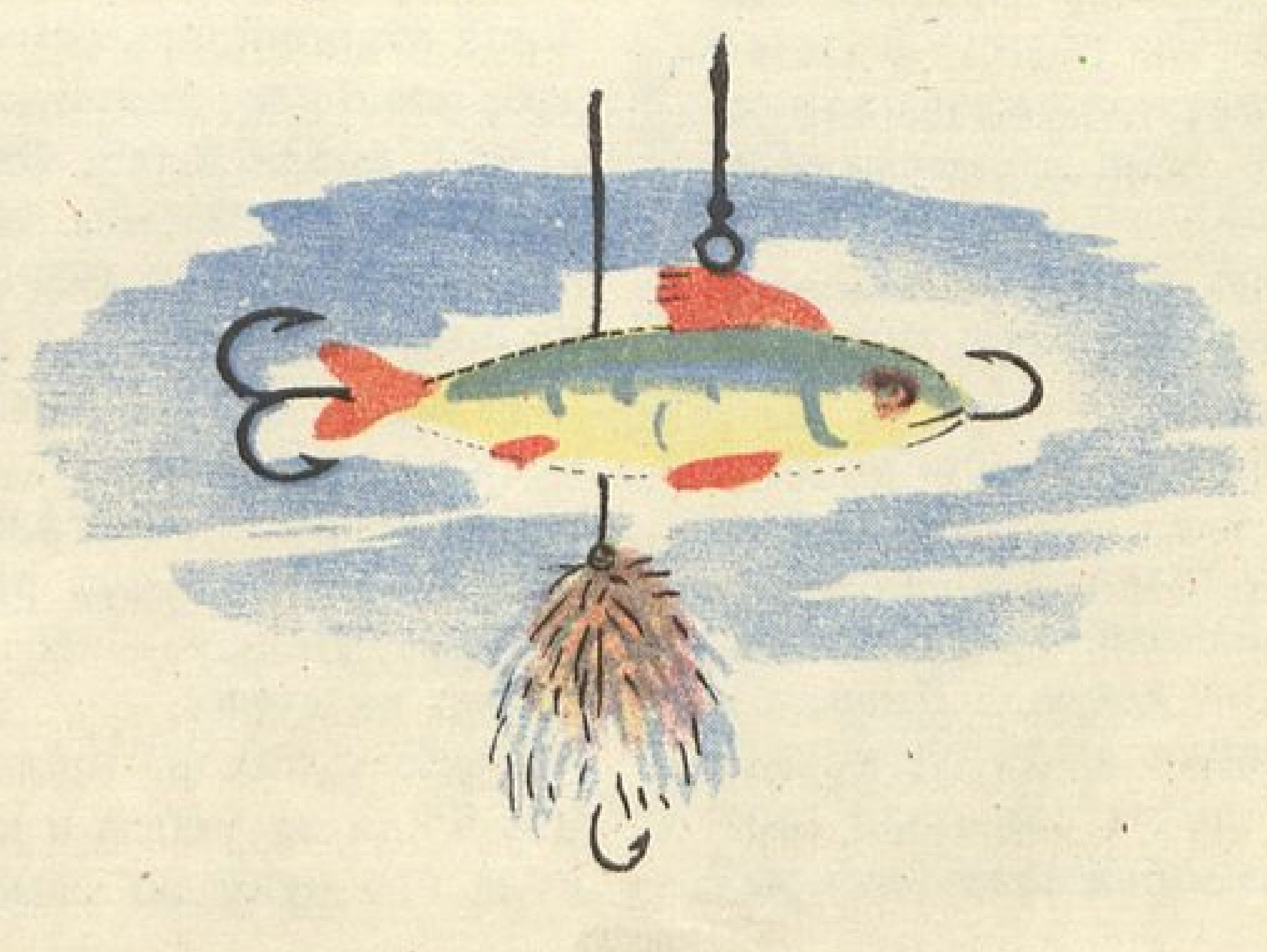
— А червей где мы будем копать, в снегу, да?

— Не нужны нам будут черви. Зимой мы будем ловить жадную рыбу, ту, которая сама за рыбой охотится.

Был у дедушки большой деревянный рундук, а в нём было ещё два маленьких рундучка. В одном хранился охотничий припас, в другом — рыбацкий.

Как открыл дедушка рыбацкий рундучок, так у Феди глаза разбежались. Чего только не было в том рундучке: сколько крючков разных, лёсок, поплавков, грузил, поводков!.. И всё было в порядке, аккуратно по своим местам разложено.

— Вот на что мы её ловить будем, — сказал дедушка и достал оловянную рыбку с двумя большими крючками. Один крючок торчал у рыбки изо рта, второй был припаян к хвосту. На спинке у рыбки было приделано колечко, к колечку прикручен стальной поводок, к поводку толстая, как шпагат, лёска.

— Это блесна, а вот это махалка. — И дедушка показал Феде другую снасть — свинцовую гирьку с большим крючком. Гирька сверху была обшита мехом дикой козы.

Дедушка налил в стеклянную банку воды и опустил в воду махалку.

— Смотри, что получается.

Он стал то поднимать, то опускать махалку в воде, и Федя прошептал:

— Ой, дедушка, она как живая!... Дышит.

— Да. И щука тоже думает, что это или мышонок, или водяная крыса. От жадности не разглядит хорошенько, налетит, хватит, да и очутится у нас на крючке. Понятно?

— Понятно, понятно, дедушка!

Все крючки на блёснах и махалках дедушка отточил так остро, что пальцем тронуть было страшно.

— Как комариное жало, — сказал он. — Чуть тронет рыба — и крючок сам в неё вопьётся. Как станут Чёрная и Амур, так и пойдем пробовать.

Рыбаки подождали ещё три дня, потом дедушка взял лом, лопату и пошёл с Федей на реку, туда, где Чёрная впадала в Амур. Конечно, Вестовой от них не отстал.

— Теперь можно и начинать. Только сначала давай мы с тобой построим избушку — фанзу.

— Фанзу? — удивился Федя. — А зачем нам фанза?

— Чтобы не холодно было сидеть на льду. Без неё в мороз да ещё с нашими ветрами долго не высидишь.

— А из чего же мы её строить будем?

— Материалу сколько угодно, — сказал дедушка, — ходить далеко не надо. Из снега. Вот на этом месте всегда рыба хорошо берёт. Глубина здесь небольшая, дно песчаное. Здесь и строить будем.

Дедушка расчистил лопатой снег и пробил во льду четыре аккуратные лунки: две для себя,

две для Феди. Вестовой сам попробовал прорыть для себя лунки когтями, да ничего у него не получилось. Потом дедушка наметил на льду круг и стал строить круглую стену. Он резал лопатой широкие кирпичи из снега и укладывал их один на один. А чтобы они не разваливались, смачивал их водой.

— Мы такую с тобой фанзу смастерим, что она до самого ледохода стоять будет,— сказал дедушка.

— Обязательно простоит, — согласился Федя.

У дедушки всё было припасено. Он притащил специально сделанные двери, окошко и крышу, сбитую из досок. Дверь и оконце рыбаки вставили в стену, крышу положили сверху. Все дыры залепили мокрым снегом. Мороз замораживал мокрый снег, и стена становилась очень прочной. На крышу они навалили целый сугроб снега и тоже полили его водой, чтобы ветер не сдувал.

Дедушка ещё раз сходил домой и принёс в фанзу маленький железный камелёк и две скамеечки. Федя очень обрадовался.

— Дедушка, а если сюда принести кровать, да стол, да стулья, — так тут и жить можно.

— Конечно, можно. Только бабушке одной скучно будет сидеть дома.

Дедушка затопил печурку, и в фанзе быстро потеплело. Пока строились, лунки затянуло коркой льда. Дедушка разбил лёд и выловил его черпаком с дырочками.

— Ну, внучек, учись, как нужно зимой рыбу добывать.

Сначала дедушка подсел к Фединым лункам, размотал удочки, опустил блесну и махалку до самого дна и закрепил лёски на коротких удилищах.

— Теперь вот так полегоньку надо подёргивать, а как будет поклёвка, сразу бросай вторую удочку и тащи рыбу на лёд. Да покрепче держи удилища, не то попадёт щука побольше и вырвет из рук.

Федя думал, что рыба сразу схватит махалку, — но сколько он ни дёргал, ничего не ловилось. На всякий случай, чтобы рыба не вырвала у него удочек из рук, он сделал на удилищах петли из лёски и продел в петли руки.

До самого вечера просидели они в снежной фанзе и не поймали ни одной рыбины. Дедушка только плечами пожимал. Он опускал то одну блесну, то другую, и до самого дна, и в полводы — рыбы не было. Феде становилось скучно, и он стал думать, что, наверное, дедушка просто всё это придумал, вроде игры. Федя и подёргивать перестал. Так только, иногда дёргал. Вестовому тоже стало скучно, и он уснул у камелька.

И вдруг махалка как будто за что-то зацепилась на дне. Федя потянул сильнее, тогда лёска задергалась. Федя потащил ещё сильнее, и тут рыба так рванула из его рук удочку, что он упал со скамейки прямо на лунку.

Рыба с такой силой рвалась с крючка, что Федя не успел и крикнуть, как она утянула его руку по самое плечо в воду.

— Дедушка!.. — заорал Федя, а Вестовой завизжал спросонья и тявкнул.

Дедушка сразу всё понял. Он бросил свои удочки, схватил внука за пояс, приподнял и поймал удилище. Конечно, Федя ни за что не удержал бы удочку в руках, не будь она привязана.

Рыбина металась подо льдом и никак не шла в лунку. Дедушка очень боялся, что не выдержит лёска и лопнет. Но всё же он уловил момент, и в лунке показалась огромная зеленовато-серая голова рыбы. У неё были такие злые глаза, что Федя даже попятился от лунки, а Вестовой сначала завизжал с перепугу, а потом залился неистовым лаем.

Туловище у рыбы было очень толстое, и рыба никак не пролезала в лунку. Дедушка схватил большой крюк, примотанный проволокой к палке, и поддел им рыбину под жабры.

— Подай-ка лом! — крикнул он Феде.

Дедушка разбил ломом лёд вокруг лунки и, наконец, вытащил добычу на лёд.

— Таймень, однако! Ну и большущий же, не меньше как пуда на полтора. Знать, счастливый ты у нас, внучек, не часто такие попадаются. Не всякий рыбак может похвалиться, что поймал на своём веку полуторапудового тайменя.

Еще долго бушевал таймень в фанзе. Он бил хвостом, тяжело подпрыгивал и широко открывал зубастую пасть.

— Вот почему и рыба не ловилась — боялась его и не подходила близко к нашим махалкам. А сам таймень — рыба хитрющая, осторожная. Он всё примерялся, всё боялся, да не выдержал. Ну, повезём его теперь к бабушке. Сейчас она нам из тайменя таких пельменей настряпает, каких ты отродясь не едал.

— Ага, дедушка, ты ни одной не поймал, а я вон какого тайменя... — начал хвастать Федя.

— Разве это ты его поймал?

— А кто же? Я!

— Смотри-ка, а мне показалось, что это таймень тебя поймал... Ведь если бы лунка была пошире да не успей я тебя за штаны схватить, так уволок бы он тебя в своё царство-государство. Но всё же таймень, конечно, твой. Так мы его за тобой и числить будем. Пошли, однако, бабушке покажем.

М. ПОЖАРОВА

ВОДОПРОВОДЧИК

— Эй, молодчик!
Ты — водопроводчик.
Загляни в квартиру пять:
Стало кухню заливать!

С краном кухонным беда,
Через край бежит вода!
— Кран закрутим, всё устроим,
Воду живо успокоим.

МАЛЯРЫ

Маляры пришли втроём,
Обновили старый дом.
Был облезлый, скучный, голый,
Стал нарядный и весёлый!
Все ребята со двора
Малярам кричат: ура!

848

Рис. А. ПОРЕТ

ВОТ ЧТО МОЖНО СДЕЛАТЬ ИЗ СНЕГА

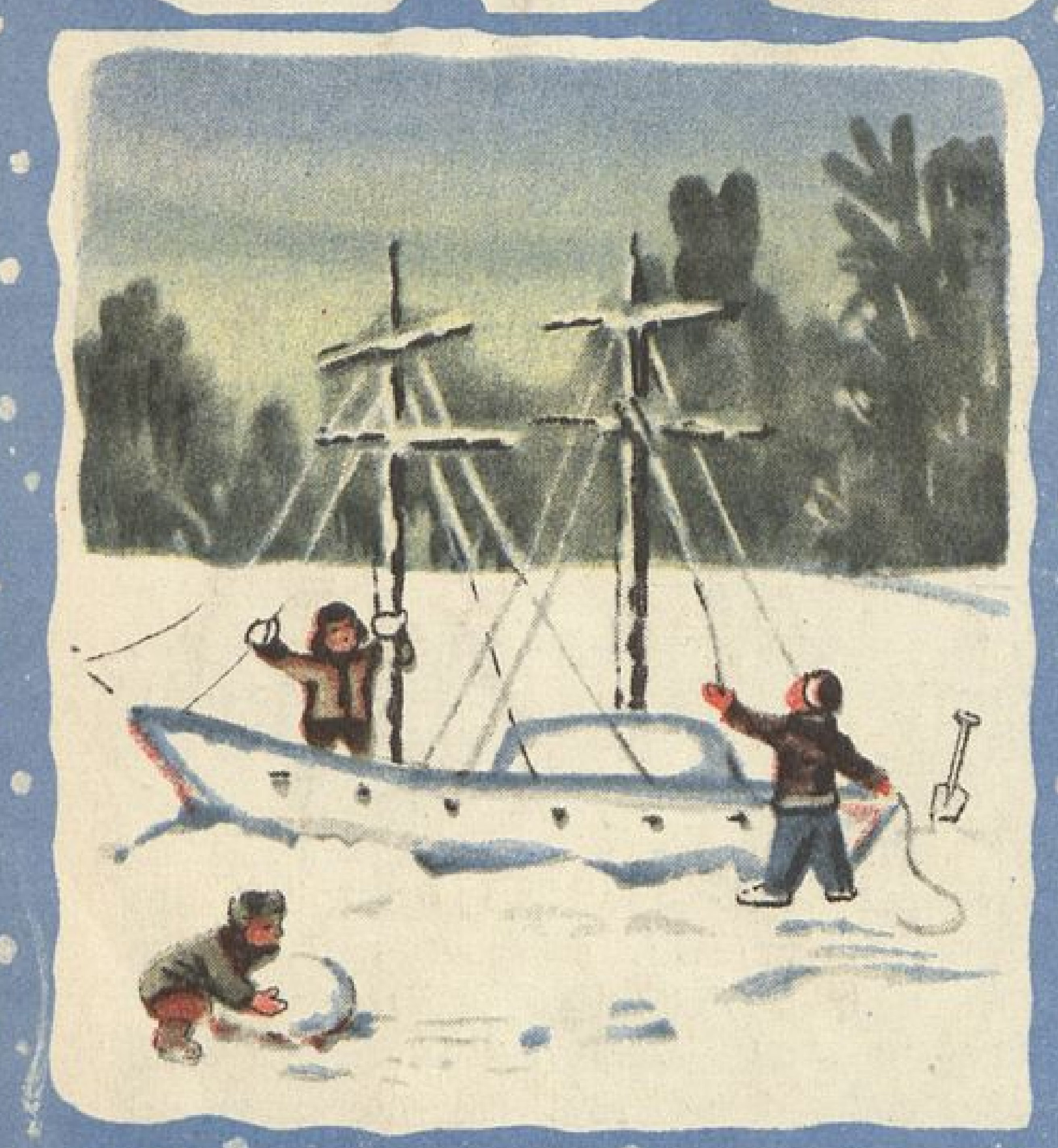

Рисунок на обложке художника В. Конашевича.

Редколлегия: М. АДРИАНОВА, А. БАРТО, О. БЕДАРЕВ (редактор), В. БИАНКИ, В. ЛЕБЕДЕВ, С. МАРШАК, М. МИХАЙЛОВА
С. МИХАЛКОВ, Л. ПАНТЕЛЕЕВ, В. СЕМЁНОВ

Рукописи не возвращаются

Техн. редактор З. В. ТЫШКЕВИЧ

Год издания двадцать пятый | **Цена 1 руб.** | Изд-во ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»

Адрес редакции: Москва, Новая площадь, 6/8. Тел. К 5-82-91. Подписано к печати 14 I 1948 г. А00675. Объём 3 печ. л. 2,8 уч.-изд. л.
33 000 зн. в печ. л. Тираж 105 000 экз. Заказ 2459.

Типография «Красное знамя» изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», Москва, Сущевская, 21.

14 ФЕВ 1948